

Современная глобализация и новые цивилизационные модели

Ш. Н. Айзенштадт

Введение

Сегодня углубление глобализационных процессов сопровождается увеличивающейся взаимозависимостью между экономическими, культурными и политическими аспектами глобализации. Эти процессы подразумевают постоянные контакты между различными обществами и социальными группами. В сфере культуры процессы глобализации тесно связаны с экспансией, прежде всего через ведущие СМИ. Зачастую во многих странах мира СМИ были ориентированы на однотипные западные (преимущественно американские) культурные программы и передачи, что способствовало увеличению глобальной культурной однородности и так называемой «детрадиционализации».

Во всем мире процессы глобализации характеризуются постоянным ростом контактов между разными обществами и социальными группами, что увеличивает риск углубления конфронтации между ними. Эти процессы включают постоянное постепенное перемещение прежде периферийных, «локальных», «недоминирующих» групп и секторов в региональные и национальные центры. Движение из периферии в уже существующие, а также в новые ведущие центры часто идет в обход местных и межрегиональных институтов и общественных организаций; параллельно происходит процесс передвижения западных обществ и секторов в современные преимущественно западные центры.

Во-первых, с перемещением многих «периферийных» (национальных или международных) секторов в наиболее крупные центры глобализации в значительной степени связано появление новых способов сопротивления глобализации, различных «антиглобалистских» тенденций и движений; эти формы сопротивления включают в себя активизацию террористической деятельности и соответствующие тенденции к приспособлению современности в плане формирования нового представления о цивилизации.

Во-вторых, подобное слияние влечет за собой регулярные активные столкновения и конфликты между традициями различных цивилизаций и соответствующих центров – столкновения и конфликты, подкрепленные масштабной миграцией и влиянием СМИ.

В-третьих, включение многочисленных социальных секторов и, более того, целых обществ в глобальную систему тесно связано с масштабными перемещениями огромных групп населения и их фактическим скатыванием к нестабильности и краху традиционных устоев.

В-четвертых, углубляются экономические, политические и социальные различия между ведущими центрами и периферией. Конечно, подобные различия были характерны как для «традиционной» доиндустриальной глобализации, так и для глобализации раннего современного периода, в эпоху господства национальных и революционных государств, а также капиталистической рыночной экономики. Но в отличие от раннего периода сегодня различия формируются на фоне тенденции и идеологий централизации и гомогенизации национальных и революционных государств, а также на фоне действия различных факторов современности. Эти различия могут привести к постоянным столкновениям между обществами и социальными секторами.

Универсальная и глобальная история 486–492

В этом контексте особую важность приобретают различия между теми социальными группами, которым удалось присоединиться к ведущим финансовым и технологическим структурам, и теми, кто остался за бортом. Тесно связанное с этим масштабное перемещение огромного количества людей, входящих в состав этих групп, способствовало снижению уровня жизни последних и, как следствие, дезориентации и развитию у них острого чувства обездоленности. Наиболее крупную группу дезориентированных и обездоленных составили не только и не столько представители низших экономических слоев: бедные крестьяне, городской люмпен-пролетариат – они уже находились в подобной ситуации. Скорее, самыми многочисленными среди таких дезориентированных групп были прежде всего выходцы из средних и нижних слоев наиболее традиционных секторов общества. Во-первых, сюда вошли люди, которые прежде относились к сравнительно стабильной, хоть и не всегда богатой социальной, культурной и экономической системе или нише. Из этих групп сформировались самые низшие слои новых городских центров. Во-вторых, сюда вошли большие социальные группы людей, выпавших из числа экономически активного населения. И в-третьих, это различные группы высокообразованных, современных образованных людей: профессионалов, выпускников современных университетов и прочих, кому было отказано в самостоятельном доступе к новым политическим центрам и участию в политических процессах; они поняли, что лишены доступа к своим общественным центрам и культурным программам. Так, например, для успеха революции Хомейни было важно не только то, что шииты были лишены серьезного представительства в культурном центре. Не меньшее значение имел и тот факт, что современные, квалифицированные люди, которые получили возможность развиваться в немалой степени благодаря процессам модернизации и которые были подконтрольны шаху, были лишены самостоятельного доступа к новому политическому центру и участию в политических процессах – во многом вопреки идеям, заложенным в концепции модернизации. Такие группы были особенно заметны в Турции, Индии, Пакистане, во многих европейских мусульманских диаспорах, а также играли важную роль в мусульманских и южноазиатских обществах.

Такие группы часто оказываются в ситуации социальной аномии, когда старые ценности и нормы теряют свое традиционное значение. Они испытывают давление глобализации и международных рынков, требующих более высокой производительности, и теряют привычную систему ценностей; для таких людей программы, пропагандируемые существующими режимами, не могут предоставить убедительной интерпретации новой реальности. Очень важную роль играет группа, крайне подверженная влиянию общинно-религиозных идей или фундаментализма, – это молодое поколение, казалось бы, благополучного городского класса, которое дистанцируется от более светского стиля жизни своих сравнительно успешных родителей. Но еще более важную роль играют относительно новые члены общества – иммигранты во втором поколении, которые приехали в большие города из провинциальных и даже сельских центров (Eisenstadt 1999).

Изменения на международной арене и в структуре гегемонов

Полностью влияние процессов, описанных выше, можно понять только в контексте современного исторического процесса, в частности с учетом недавних изменений на международной арене, тесно связанных с глобализацией.

Среди наиболее важных изменений на мировой арене можно назвать: во-первых, смену гегемонов в международной системе; во-вторых, формирование нового баланса сил между различными государствами; в-третьих, появление новых акторов, институтов, новых норм и правил на международной арене. Все эти изменения свидетельствуют о постепенном разрушении мировой Вестфальской системы с серьезными последствиями

ми для трансформации политических систем, в частности для национальных и революционных государств.

На фоне постоянной смены гегемона, роль которого примеряли на себя различные центры, между последними соответственно возникали конфликты по поводу их предполагаемого статуса лидера. Кроме того, между различными обществами и секторами возникали конфликты из-за занимаемой ими позиции в международной системе, что сопровождалось дестабилизацией многих государственных структур прежде всего на периферии (но не только). Все это в значительной степени способствовало формированию «Нового мирового беспорядка» (Jowitt 1993). Нарастанию этого беспорядка способствовали крах Советского Союза, исчезновение биполярной системы времен холодной войны с сопровождавшей ее относительной стабильностью, а также прекращение идеологической конфронтации между коммунизмом и Западом. В результате этих событий осталась только одна супердержава – США, а многие региональные и межгосударственные образования получили большую автономию. В рамках таких образований возникали новые геополитические, культурные и идеологические споры и конфликты, в том числе в отношении позиции и гегемонии главных мировых держав и союзов – США, ЕС, постсоветской России и Китая.

Более того, в 90-е гг. XX в. серьезно изменилось соотношение сил на международной арене. В течение первых двух десятилетий после распада СССР Соединенные Штаты были не только единственной супердержавой, но и практически неоспоримым военным и экономическим гегемоном в рамках неolibеральной экономической системы. Этот статус воплотился в Вашингтонском консенсусе, на принятии которого усиленно настаивали такие ведущие международные организации, как Международный валютный фонд и Всемирный банк. Однако с началом второго постсоветского десятилетия ситуация серьезно изменилась. В этот период постсоветская Россия, Китай и в меньшей степени Индия и Бразилия стали более самостоятельными игроками на международной арене: они ведут более независимую политику, преследуют свои собственные геополитические и экономические интересы, инициируют изменения регионального, геополитического и экономического баланса, оспаривая тем самым американскую гегемонию, а также принципы Вашингтонского консенсуса. Эти тенденции были усилены международным финансовым кризисом (2008 г. – по настоящее время), который разрушил и изменил большинство существовавших на тот момент инструментов, регулирующих соотношение сил на международной экономической и политической аренах.

Отношения между цивилизациями – антиглобалистское движение и трансформация протестных движений и идеологий

Вышеописанные процессы способствовали постепенной кристаллизации новой цивилизационной модели. Важным проявлением этой модели, формирование которой сопровождало все описанные выше процессы, является тесное переплетение многочисленных антиглобалистских и новых протестных направлений, возникших еще в конце 60-х гг. XX в. Хотя межцивилизационные антиглобалистские и антигегемонистические движения в сочетании с противоречивым отношением к космополитическим центрам глобализации и в прошлом почти всегда сопровождали развитие глобализации – будь то эллинистическая, римская, китайско-конфуцианская, индуистская, классическая исламская или глобализация раннего Нового времени, – в современном мире они значительно трансформировались и укрепились. Во-первых, во многом благодаря СМИ эти движения распространились по всему миру. Во-вторых, они стали крайне политизированными и вовлеченными в яростные политические и идеологические дебаты. В-третьих, их деятельность в глобальном масштабе способствует постепенному восста-

новлению коллективных идентичностей и столкновению между ними. В-четвертых, через переосмысление и приспособление современности (что привело к формированию новых отношений и направлений взаимодействия между цивилизациями) эти акторы пытались отделить радикальные идеи современности от вестернизации и отобразить у Запада, западного Просвещения и даже идей романтизма монополию на современность; присвоить современность и описать ее в собственных терминах, прежде всего в сильно видоизмененных цивилизационных терминах. Центральным пунктом этого дискурса было крайне противоречивое отношение к Западу, прежде всего к господству и гегемонии США, наиболее полно выраженное во всемирном распространении (в том числе и в европейских странах) мощного антиамериканского движения.

Все эти изменения ярче всего проявились в различных новых диаспорах и виртуальных сообществах и сетях. Именно в таких виртуальных сообществах и сетях наблюдалась широкая, сильно трансформированная, мощная реакция на процессы глобализации, особенно на гегемонистские заявления различных, часто конкурирующих центров глобализации, что подтверждает, как удачно выразился Арджун Аппадуре (Appadurai 2006), «власть маленького числа». Сегодня подобное противодействие является одним из самых неустойчивых и крайне провокационных элементов на мировой арене, а также важным фактором трансформации отношений между цивилизациями и распространения идей столкновения цивилизаций.

Действительно, одним из важнейших проявлений новой цивилизационной модели, возникшей в результате вышеописанных процессов, является тесная связь этих процессов с новыми установками и протестными движениями, развивающимися с конца 60-х гг. XX в. (Eisenstadt 2006).

Так же, как и в период становления и развития современных государств, движения и символы протеста продолжали играть очень важную, центральную роль в политической и культурной сферах, а процессы глобализации постоянно укрепляют их структуру и цели. Наиболее влиятельными были студенческие движения и движение против вьетнамской войны в конце 1960-х – знаменитые «движения 1968», которые в очень измененном виде продолжили свою деятельность в различных появившихся позже течениях. Эти движения и направления вышли за пределы «классического» национального государства и «классического» или либерального, национального и социалистического движений, и развивались в двух, на первый взгляд противоположных, хотя в действительности часто пересекающихся, направлениях. С одной стороны, формировались различные «постмодернистские», «постматериалистические» движения, например женские, экологические и антиглобалистские организации; с другой стороны – в результате их деятельности активизировались очень узкие местные и региональные этнокультурные движения за автономию, в основе которых лежала очень агрессивная идеология. Среди групп обездоленных стали популярны различные религиозно-фундаменталистские и религиозно-общинные движения, которые пропагандировали идеи превосходства своей идентичности над всеми остальными.

Вопросы, которые поднимают эти движения, очень часто представляются или воспринимаются как предвестники масштабных изменений, вызванных развитием современной культуры и деятельностью различных институтов, а также, возможно, тем, что обычные классические концепции современности, предлагающие серьезные изменения как на государственном, так и на международном уровне, исчерпали себя. В свою очередь протестные настроения способствовали распространению революционных идей и таким образом сыграли определяющую роль в развитии современного социального порядка и, более того, всех современных, в том числе революционных, государств.

Все эти новые движения обладают общими характеристиками, отличающими их от движений «классических». Во-первых, протестные настроения теперь концентри-

руются не на центрах национальных и революционных государств или «народных» и революционных организаций как харизматических носителей идей современности, а на множестве различных площадок, одной из которых является современное трансформированное национальное государство. Во-вторых, происходит ослабление представления о «классической» революции как о главной составляющей протестного движения. В-третьих, наблюдается создание новых институтов для реализации этих идей; и, в-четвертых, развитие нового взгляда на отношения между цивилизациями.

В отличие от основных установок ранних, «классических» движений новые протестные движения ориентированы, как выразился один ученый, на расширение общего диапазона общественной жизни и участия в ней, что проявляется в требовании увеличения количества рабочих мест, получения возможности участвовать в различных общественных организациях, гражданских движениях и пр. Возможно, самым первым очевидным признаком смены приоритетов стало смещение акцента с роста уровня жизни, считавшегося в 1950-е гг. олицетворением постоянного экономико-технологического прогресса, на качество жизни, что в 1970-е гг. являлось одним из показателей перехода от материалистических к постматериалистическим ценностям. Говоря словами Хабермаса (Habermas 1989), эти движения перестали концентрироваться на проблеме распределения и сместили акцент на «основы жизни» (Taylor 2007: 299–505). Одним из главных аспектов этих движений (особенно среди групп, недовольных глобализацией) было растущее внимание к политике национальной идентичности, к созданию новых религиозных, этнических и местных организаций, пропагандирующих узкие, специфические вопросы часто в терминах исключительности культурной идентичности, нередко формулируемых в агрессивной манере.

С этими процессами тесно связана трансформация утопических, особенно трансцендентальных, направлений, будь то тоталитаристский «якобинский» утопизм, характерный для многих революционных движений, или более статичный утопизм, пропагандирующий уход от ограничений и давления современного общества. Трансцендентные утопические движения перестали уделять основное внимание центрам национальных государств и национально-политическим общностям и сконцентрировались на более гетерогенных и рассредоточенных аренах, на различных «аутентичных» вариантах образа жизни, часто в рамках и мультикультурализма, и постмодернизма.

В свете этих изменений, прежде всего на Западе (хотя очень быстро и за его пределами), особое внимание стало уделяться мультикультурализму как возможному дополнению или замене доминирующей модели гегемонии современного однородного национального государства.

Новые межцивилизационные отношения, антиглобалистские тенденции и движения, глобальные конфронтации, попытки приспособления к современности

С точки зрения цивилизационных ориентиров принципиальные различия между основными «классическими» национальными и религиозными, особенно реформистскими, течениями и современными общинно-религиозными, прежде всего фундаменталистскими, движениями, тесно связанными со структурой новых виртуальных сообществ, больше всего проявляются в их отношении к идеям культурной и политической системы современности и к Западу. Это лишь часть ширококомасштабных изменений, произошедших в мире – в мусульманском, индийском, буддистском обществах, которые, по всей видимости, продолжают, хотя и в совершенно ином формате, противостояние между ранними реформистскими и традиционными религиозными движениями, получившими распространение в «незападных» обществах.

Эти преобразования указывают на масштабные изменения в ранних реформистских и религиозных движениях, которые развиваются в «незападных» обществах с XIX в. и по сей день. В рамках современных антиглобалистских движений конфронтация с Западом принимает форму не поиска путей присоединения к современной гегемонистической цивилизации на ее условиях, а скорее приспособления для себя новой международной глобальной арены и современности на собственных условиях, в собственных традициях.

Эти движения действительно пропагандируют откровенно агрессивное отношение к Западу и стремятся приспособить современность и глобальную систему под свои незападные, а часто антизападные представления. Такое крайне агрессивное отношение к Западу, ко всему, что считается западным, тесно связано с попытками полностью отделить современность от вестернизации или забрать у Запада монополию на современность, а также приспособить современное общество, современность под свои представления, основанные на собственных традициях.

Их цель – некоторым образом исправить современную концепцию, исходя из собственных представлений, основанных, по их словам, на главных, действительно серьезно пересмотренных образах и символах цивилизационной и религиозной идентичности, очень часто формулируемых в виде универсалистских постулатов соответствующей религии или цивилизации. Все это направлено на изменение мировой арены в соответствии с этими условиями.

Однако в то же время возможности, заложенные в этих традициях, постоянно корректируются под влиянием «современных» концепций и выражаются парадоксальным образом в спорах о современности в сегодняшнем мире. На самом деле эти споры и дискуссии во многом напоминают споры о современности, которые велись в самих центрах современных идей в Европе, в том числе широкую критику господствующих идей Просвещения, присущих им проблем и внутренних противоречий. Так, например, критика Просвещения Сайидом Кутбом, пожалуй, наиболее выдающимся теологом исламского фундаментализма, во многом похожа на суждения ведущих религиозных и светских критиков Просвещения: графа де Местра, приверженцев романтизма, множества народников и славянофилов в Центральной и Восточной Европе, в общем, тех, кто, по словам Чарльза Тейлора, подчеркивал «экспрессивный аспект человеческого опыта», и затем, конечно, переходил от Ницше к Хайдеггеру. Или, другими словами, все эти разнообразные антиглобалистские и антизападные движения и идеологии усиливают фундаментальные проблемы и противоречия современности, парадоксальным образом свидетельствуя о том, что они являются элементами новой общей глобальной цивилизационной системы, корни которой лежат в концепции современности и за ее пределами.

Другая важная черта современного мира цивилизаций, подтверждающая, что сегодня разные религии действуют в рамках единого цивилизационного поля, – это изменение взаимоотношений между разными (в том числе мировыми) религиями. Соперничество и борьба между религиями зачастую становятся весьма жесткими. В то же время наблюдается устойчивая тенденция проводить общие многообещающие межконфессиональные форумы и встречи, где обсуждаются главным образом их отношение к некоторым аспектам новой цивилизационной системы, заложенным в изначальной концепции современности, а также возможности сотрудничества между религиями; хотя на самом деле круг обсуждаемых вопросов намного шире.

Попытки пересмотреть цивилизационные предпосылки делались не только в рамках подобных движений, но и (хотя, может, и не в столь резких формах) в рамках новых институциональных образований, таких как Европейский союз, различные местные и региональные структуры. Кроме того, на периферии (например, в ходе дискуссии об азиатских ценностях) пытались оспорить западную, в частности американскую, гегемонию, а также сформулировать свои собственные базовые принципы современности.

Пересмотр правил и предпосылок также находит отражение в событиях на арене популярной культуры, где мнимое превосходство американской идеологии ставится под сомнение. Так, появились новые, отдельные транснациональные индийские и восточноазиатские СМИ, а также увеличилась значимость региональных, диаспорных и даже глобальных сфер влияния.

Дебаты и столкновения между этими движениями или акторами часто могут быть сформулированы в терминах, связанных с цивилизацией. Однако эти термины, в частности сам термин «цивилизация», как его трактуют в подобных дискуссиях, уже вошли в современный язык как тоталистские, часто эссенциалистические и абсолютизирующие термины, возникшие из основных предпосылок современности, ее проблем и противоречий, даже если они опираются на старые религиозные традиции. Когда подобные столкновения и споры сопровождаются политической, военной и экономической борьбой и конфликтами, они становятся поистине жестокими.

В то же время сочетание масштабных изменений на международной арене и определенных характеристик современных процессов глобализации с изменениями в структуре международной системы способствует интенсификации и росту числа агрессивных движений, конфликтов и столкновений между цивилизациями.

Кроме того, среди разнообразных антиглобалистских движений особое значение приобретают расширяющиеся и усиливающиеся агрессивные террористические движения, вовлеченные в международные и межцивилизационные споры и столкновения. Уже в начале периода после Второй мировой войны одним из центральных элементов международной системы стало увеличение числа революционно настроенных и террористических групп. Этот элемент начал иметь еще более важное значение, когда стал тесно связан с формированием новых международных и межцивилизационных направлений, новых моделей межцивилизационных отношений. Когда эти изменения стали сопровождаться нарастающей конфронтацией в различных обществах как на местном, так и на глобальном уровне, а также политической, военной и экономической борьбой и конфликтами, эти группы стали реально агрессивными. Они могут превратиться в центральных игроков на фоне борьбы различных регионов за независимость, которые Г. Мюнклер (Münkler 2003) называет асимметричными войнами, в противоположность симметричным войнам между национальными государствами в рамках Вестфальской системы, которая была постоянной составляющей международного порядка, где такая борьба играла центральную роль.

Библиография

- Appadurai A. 2006.** *Fear of Small Numbers: An Essay on the Geography of Anger.* Durham: Duke University Press.
- Eisenstadt S. N. 1999.** *Fundamentalism, Sectarianism and Revolution: The Jacobin Dimension of Modernity.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Eisenstadt S. N. 2006.** *The Great Revolutions and the Civilizations of Modernity.* Leiden: Brill.
- Habermas J. 1989.** *The Structural Transformation of the Public Sphere.* Oxford: Polity Press.
- Jowitt K. 1993.** *New World Disorder: The Leninist Extinction.* Berkeley, CA: University of California Press.
- Münkler H. 2003.** *Über den Krieg: Stationen der Kriegsgeschichte in Spiegel ihrer theoretischen Reflexion.* Weilerwist: Velbrück.
- Taylor Ch. 2007.** *A Secular Age.* Cambridge, MA: Harvard University Press.